
Тайна семьи
безродной келін

Алия Камал
Тайна семьи безродной келін

https://litres.ru/74809497
SelfPub; 2026

Аннотация

На собственной свадьбе Аружан назвали воровкой. При трёхстах гостях свекровь вытряхнула из её клатча бриллиантовое колье и произнесла слово, которое будет преследовать её месяцами: тексіз. Безродная.

Сирота из детдома мечтала о большой семье. Теперь семья у неё есть, и каждый в ней снимает её унижение на телефон. Муж молчит. Свекровь отправляет «отрабатывать долг» на кухню семейной тойханы.

Но в тот вечер случилось ещё кое-что. Увидев на руке невестки детский серебряный браслет, всесильная Бибігүл побледнела так, будто встретила призрак.

Что свекровь знает о девочке, которую подбросили на крыльцо детдома? И почему двадцать лет боится этого больше, чем позора?

Содержание

Глава 1. Воровка на своей свадьбе 4
Глава 2. Прощение хуже приговора 7
Глава 3. Первое утро келін 10
Глава 4. Жеті ата 13
Глава 5. Кухня тойханы 16
Глава 6. Томирис 19
Глава 7. Комментатор 22
Глава 8. Измена, которой не было 25
Глава 9. Ата 28
Глава 10. Девочка, которая умерла 31
Глава 11. Сделка 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Алия Камал
Тайна семьи безродной келін

Глава 1. Воровка на своей свадьбе

Музыка оборвалась на полуслове, будто кто-то перерезал провод. Триста гостей «Алтын Сарая» разом повернули головы к столу молодых, где Бибігүл Сейтжанова, хозяйка тойханы и с сегодняшнего вечера свекровь, держала над скатертью белый клатч невесты. Её пальцы в тяжёлых кольцах перевернули сумочку, и на белое полотно выпали помада, телефон и бриллиантовое колье. Оно легло на скатерть, как пролитая вода, и вспыхнуло под люстрами.

— Вот, — сказала Бибігүл. Негромко, но так, что услышали в дальнем конце зала. — У невесты в сумке.

Аружан стояла в белом платье, которое ещё час назад казалось ей самой красивой вещью на свете. Двадцать один год она мечтала о том, что у неё будет семья: шумная, с тётками и племянниками, с общим дастарханом. Сегодня семья у неё появилась. И теперь эта семья смотрела на неё сквозь экраны телефонов.

— Апа… я не брала. Я эту сумку с утра не открывала.

— Ну конечно, — протянула Камила, младшая сестра жениха. Телефон в её руке вёл прямой эфир. — Колье само туда заползло.

— Ойбай, — простонала апай Сара, сестра свёкра, и прижала ладонь к груди. — Взяли детдомовскую — вот вам и результат. Что люди скажут?

К сестре неторопливо подошёл Нұрлан, финансовый директор и «мудрый дядя» семьи. Добродушное лицо, серый костюм, левая рука в кармане брюк.

— Бибігүл, полицию вызвать? По закону положено.

Но Бибігүл уже забрала микрофон у растерянного тамады. Она умела говорить тихо: это пугало сильнее крика.

— Уважаемые гости. Мы взяли в дом девочку без рода, без племени. Пожалели. А она в первый же вечер… — Она обвела зал взглядом, давая каждому досмотреть. — Вот что значит тексіз. Безродная.

Слово упало в тишину, как камень в колодец. Аружан почувствовала, как горят щёки, как подступают слёзы, и не дала им пролиться. В детдоме её научили: заплачешь — и тебя съедят. Она повернулась к мужу.

— Данияр. Скажи им.

Данияр приподнялся со стула. Она видела, как он набирает воздух, как его губы складываются в её имя.

— Данияр, — сказала мать, не глядя на него. — Сядь.

И он сел. Медленно, будто под тяжестью, опустился на стул и уставился в тарелку. В эту секунду в Аружан что-то

хрустнуло, тихо, как ломается тонкий лёд.

В углу неподвижно сидел в инвалидной коляске свёкор Марат. После инсульта он почти не говорил, но глаза у него были живые, и сейчас эти глаза смотрели на невестку так, будто он хотел что-то крикнуть.

— Снимай, — сказала Бибігүл, подойдя вплотную. — Это платье купила моя семья. Уходи так, как пришла.

— Вы даже не спросили, как всё было, — прошептала Аружан.

— Мне не нужно спрашивать. Я вижу, кто ты.

Бибігүл схватила невестку за запястье, чтобы снять с неё фату, и кружевной рукав сполз вниз. На тонкой руке блеснул детский серебряный браслет, растянутый скрепкой, чтобы налезал на взрослую кисть. На браслете был выбит знак, похожий на перевёрнутую птицу. Тамга.

Бибігүл замерла. Краска ушла с её лица так быстро, что Аружан испугалась: сейчас свекровь упадёт. Шум зала будто откатился куда-то далеко, и в наступившей тишине Бибігүл произнесла совсем другим голосом, хриплым и чужим:

— Откуда… у тебя это?

Глава 2. Прощение хуже приговора

Аружан не успела ответить. Бибігүл опустила рукав невестки, словно накрыла покойника, и повернулась к залу. Когда она снова заговорила, голос у неё был ровный, но Аружан, стоявшая рядом, видела, как дрожат её пальцы на микрофоне.

— Полицию вызывать не будем.

— Как это не будем? — Нұрлан шагнул вперёд. — Әпке, при трёхстах свидетелях…

— Не будем, — повторила она. — Колье нашлось. Девочка выросла без матери, никто не учил её, что можно, а что нельзя. Мы — семья Сейтжановых, а не базарные бабы. Мы прощаем.

По залу пошёл гул. Апай Сара всплеснула руками: «Вернуть её в детдом, и дело с концом!» Кто-то из дальних родственников засмеялся. Но Бибігүл подняла ладонь, и всё стихло.

— Она остаётся. Келін есть келін. Научим.

Тамада, поймав взгляд хозяйки, включил музыку, и той пошёл дальше: так река обходит упавшее дерево. Гости снова ели, снова пили, снова танцевали. Только теперь каждый, проходя мимо стола молодых, чуть замедлял шаг и смотрел на невесту так, как смотрят на собаку, которая однажды укусила.

Аружан сидела прямо и не притрагивалась к еде. Данияр наклонился к ней.

— Видишь, мама простила. Всё обошлось.

— Она не простила, — тихо ответила Аружан. — Она испугалась.

— Чего маме бояться? — Он улыбнулся растерянно, как улыбаются дети, когда взрослые ссорятся.

Она не знала, чего. Но запомнила лицо свекрови в ту секунду, когда сполз рукав. Так смотрят не на воровку. Так смотрят на призрак.

Ночью дом Сейтжановых в Медеуском районе затих: огромный, белый, с колоннами и садом, где журчал подсвеченный фонтан. Аружан вышла в коридор за водой. Свет не включала: ещё не знала, где выключатели. И почти наткнулась на свекровь. Бибігүл стояла у окна в длинном халате, с чётками в руке.

— Апа, я хотела сказать… спасибо, что не…

— Дай руку.

Аружан машинально протянула левую. Бибігүл не стала разглядывать браслет. Она рванула его так, что скрепка лопнула и поцарапала кожу. Тонкая красная полоса проступила на запястье.

— Апа! Это моё! Это единственное, что у меня от…

— От кого? — Бибігүл наклонилась к ней. От неё пахло дорогими духами и чем-то горьким, валерьянкой. — Ну? От кого?

— Не знаю. Он был на мне, когда меня нашли.

Что-то мелькнуло в глазах свекрови и тут же погасло.

— Тексіздің затын үйде ұстамаймын, — сказала она по-казахски, медленно, будто читала приговор. — Вещей безродной в моём доме не будет.

Она сжала браслет в кулаке и пошла по коридору. Аружан осталась стоять, прижимая к груди оцарапанную руку. За её спиной тихо скрипнула дверь: в щели мелькнул платок домработницы Күләш. Пожилая женщина смотрела не на Аружан, а на удаляющуюся хозяйку, и губы её беззвучно шевелились, будто она молилась.

Бибігүл дошла до своей спальни. Не включая света, опустилась на край кровати и разжала кулак. Серебро холодно блеснуло в лунном луче. Она провела большим пальцем по тамге, медленно, как гладят по щеке ребёнка, и прошептала в темноту:

— Значит, ты всё-таки жива…

Глава 3. Первое утро келін

В пять утра в дверь постучали три раза. Не громко, а так, как стучат люди, привыкшие, что им открывают сразу.

— Келін встаёт первой, — сказала из-за двери Күләш апа. — Хозяйка велела передать.

Аружан вскочила, путаясь в чужой ночной рубашке. Данияр спал, отвернувшись к стене, и не шевельнулся. Она быстро заплела косу, надела самое закрытое платье из привезённых и спустилась вниз. В огромной кухне пахло молоком и вчерашним праздником. Күләш апа молча поставила перед ней поднос.

— Чай свёкру и свекрови. Ата пьёт без сахара, апа — с молоком, но молоко наливают первым, не после. Пиалу наливают на треть, не больше. Полную пиалу подают гостю, которого хотят выгнать.

— Я не знала, — прошептала Аружан.

— Знаю, что не знала, балам, — вздохнула старуха и впервые посмотрела ей в лицо. Взгляд у неё был странный: долгий, будто она что-то сверяла по памяти. — Поэтому и говорю.

В гостиной уже сидела Бибігүл: причёсанная, в бордовом платье, словно и не ложилась. Рядом Марат в коляске, с пледом на коленях. В дверях с телефоном в руке появилась Камила.

— Доброе утро, келін, — пропела она. — Ну, покажи, как у вас в детдоме здороваются со старшими.

Аружан знала, что келін должна сделать сәлем салу, поклон свёкрам. Видела в кино, на свадьбах подруг. Но как именно? Насколько низко? Сколько раз? Она поставила поднос, согнулась неловко, слишком быстро, едва не задев столик, и выпрямилась, краснея.

Камила прыснула.

— Ещё раз, — сказала Бибігүл. — Ниже. Медленнее. Ты не в столовой.

Аружан поклонилась ещё раз. Потом ещё. На четвёртый раз у неё задрожали колени. Камила снимала, не скрываясь.

Потом был чай. Аружан помнила про треть пиалы, но рука дрогнула, и чай поднялся почти до края. Бибігүл посмотрела на пиалу, потом на невестку, и уголок её губ едва заметно дёрнулся.

— Полную пиалу мне? В моём собственном доме? Тебя этому учили — указывать хозяйке на дверь?

— Нет, апа, я… простите.

И тут Марат, всё это время сидевший неподвижно, медленно протянул здоровую правую руку и взял полную пиалу себе. Отпил, глядя в глаза жене. Ничего не сказал: он не мог говорить. Но жест был понятнее слов.

Бибігүл отвернулась.

К обеду ролик Камилы «Детдомовка не умеет кланяться» набрал сто тысяч просмотров. К вечеру — триста. Под ви-

део сыпались комментарии: «Вот поэтому надо брать из нормальных семей», «Бедный парень», «Жеті атасын білмейтін». Кто-то нарисовал в комментариях мем: Аружан в нелепом поклоне, подпись «Сәлем из детдома».

Аружан читала всё это ночью в ванной, сидя на холодном кафеле, чтобы не разбудить мужа. Каждый комментарий был как пощёчина, но она листала дальше. Себя ей было не жалко: в детдоме приходилось хуже. Ей было стыдно, что она так хотела им понравиться.

Она уже собиралась выключить телефон, когда страница обновилась. Новый комментарий, от аккаунта без аватарки, без подписчиков, без единой публикации. Всего одна строчка:

«Я знаю, чья она дочь».

Аружан перечитала её пять раз. Потом нажала на профиль — пусто. А когда снова открыла видео, комментария уже не было. Его кто-то удалил. Или удалил тот, кто писал, или та, кто управляла этим аккаунтом, — Камила. Или…

В коридоре скрипнула половица. Кто-то стоял под дверью ванной и слушал.

Глава 4. Жеті ата

На құдалық в честь молодых съехалась вся родня Сейтжановых — қайын жұрт, как называют здесь семью мужа. Длинный дастархан в гостиной ломился от казы, баурсаков и жирного бешбармака, который Аружан помогала готовить с рассвета. Пальцы у неё до сих пор пахли луком.

Во главе стола сидела аже, восьмидесятилетняя мать Марата, крошечная старуха в белом кимешеке, с которой все говорили, наклонившись, как с иконой. Аружан подносила блюда и чувствовала на себе взгляды: десятки взглядов, оценивающих, считающих, взвешивающих.

— Подойди, келін, — сказала аже, когда подали чай.

Аружан подошла и опустилась на колени рядом, как ей шепнула Күләш апа.

— Говорят, ты из детдома, — сказала старуха. Не грубо, просто как факт. — Ничего. Сироты бывают и у хороших людей. Скажи-ка мне, балам, жеті атаңды айтшы. Назови своих семь предков.

За столом стало тихо. Даже дети, носившиеся по коридору, замерли у двери. Аружан знала, что это значит. Каждый казах с детства знает имена отца, деда, прадеда — семь колен, до седьмого. Это не просто вежливость. Это ответ на вопрос «кто ты такой». Человек, не знающий жеті ата, — пустое место, перекати-поле. Тексіз.

— Я… — Голос у неё сел. — Я не знаю, аже.

— Совсем никого? Ни отца, ни деда?

— Меня нашли на крыльце. В записке было только имя.

Апай Сара громко вздохнула. Кто-то в конце стола хохотнул. Камила подняла телефон.

— Может, хоть область знаешь? — с деланным участием спросил дальний родственник. — Род какой? Хоть жүз?

— Не знаю.

— Ну вот, — развела руками Бибігүл. Она сидела по правую руку от свекрови, прямая и строгая. — Я же говорила. Девочка не виновата. Но и мы не виноваты, что сын привёл в дом человека ниоткуда. Так что не обижайтесь, если она будет ошибаться.

Аружан смотрела в пол. Ковёр под коленями был красный, с чёрным узором, и она пересчитывала завитки, чтобы не заплакать. Двенадцать. Тринадцать.

И тут раздался звук, которого никто не ждал: хриплый, тяжёлый выдох. Все повернулись. Марат в своей коляске тянулся вперёд, лицо его налилось кровью, губы дёргались.

— Мұ… — выдавил он. — Мұ… рат…

За столом переглядывались.

— Что он говорит? — спросила аже.

— Свою фамилию вспоминает, — быстро сказала Бибігүл. — После инсульта путает слова. Ата, отдохни.

Но Марат не отводил глаз от невестки. Аружан вдруг поняла: он не называет свою фамилию. Его фамилия — Сейт-

жанов. Он говорит ей что-то другое. Слово, которое нельзя выговорить целиком.

Марат дёрнул рукой, и пиала с чаем упала на ковёр, разбрызгав по красному узору тёмные капли. Бибігүл резко встала.

— Күләш, увези отца. Ему плохо.

Праздник покатился дальше. Аружан ушла на кухню мыть посуду, и долго стояла над раковиной, повторяя одними губами: «Мұрат. Мұрат». Что это: имя? Фамилия? Место?

Когда она вышла в коридор с подносом чистых пиал, из полутёмной кладовки донёсся голос свекрови. Тихий, почти ласковый, от которого у Аружан похолодела спина.

— Ты двадцать лет молчала, Күләш. Помолчи ещё. Заговорит он — первой вылетишь ты.

— Апа, я ничего…

— Вот и умница.

Дверь кладовки распахнулась. Бибігүл вышла, поправляя рукав, и увидела невестку с подносом. Остановилась. Обе молчали. Потом свекровь улыбнулась той улыбкой, какой улыбаются на фотографиях для журналов:

— Келін, милая. Давно тут стоишь?

Глава 5. Кухня тойханы

— Колье стоит восемнадцать миллионов, — сказала Бибігүл за завтраком, не поднимая глаз от планшета. — Я простила кражу, но не забыла. Отработаешь.

Так Аружан оказалась на кухне «Алтын Сарая»: без оплаты, без выходных, в белом халате с чужого плеча. Шеф-повар Ерболат, грузный мужик с вечно красным лицом, встретил её без интереса: «Детдомовская? Картошку чистить умеешь — и ладно».

Она умела не только картошку. Три года колледжа общепита в Талдыкоргане, два года поваром в кафе на Абая, где её и увидел Данияр, когда зашёл с друзьями. Он тогда сказал, что её лагман лучше, чем у мамы. Сейчас эта фраза казалась ей предательством, о котором он сам не подозревал.

На кухне было жарко, как в бане, и шумно, как на вокзале. Пар от огромных казанов поднимался к потолку, повара кричали друг на друга, официанты бегали с подносами. Аружан работала молча и быстро. К концу первой недели повара перестали называть её «детдомовской» и стали называть по имени. К концу второй Ерболат как-то буркнул: «Ты где так тесто раскатывать научилась?» — и это было больше, чем похвала.

В пятницу ждали большой банкет: юбилей какого-то акима, четыреста человек. Камила приехала с кольцевой лам-

пой снимать «закулисье тойханы» для подписчиков. Ставила штатив то тут, то там, мешала поварам, и в какой-то момент, разворачиваясь, задела полку. Банка с крупной солью качнулась и опрокинулась прямо в главный казан, где томилось мясо для бешбармака на четыреста порций.

Кухня замерла.

— Ой, — сказала Камила. И первым делом выключила запись.

Ерболат побелел. Мясо для бешбармака варят часами: до подачи оставалось сорок минут, заменить нечем. Через сорок минут четыреста человек получат солёную как море баранину, а виноватой назовут… Аружан уже знала, кого назовут.

— Всё, — выдохнул Ерболат. — Конец.

— Не конец, — сказала Аружан. — Дайте мне вёдра. Чистую воду. И весь картофель, что есть. И муку.

Она не объясняла. Мясо — из бульона, промыть, переложить в новые казаны с кипящей водой. Сырой картофель в старый бульон, чтобы забрал соль. Тесто на сочни раскатать тоньше, сделать пресным, без единой крупинки соли, чтобы оно уравняло вкус. Лук нарезать крупнее, обжарить не в бульоне, а отдельно, с курдючным жиром. Руки у неё горели, волосы налипли на лоб, но голова была ясной, как никогда. Детдомовская кухня научила её главному: еду не выбрасывают, её спасают.

Через сорок минут бешбармак ушёл в зал. Через час офи-

циант прибежал на кухню, ошарашенный: аким просит позвать повара. Гости говорят, такого мяса не ели никогда.

Ерболат вытер лоб и посмотрел на Аружан долгим взглядом.

— Иди ты. Ты заслужила.

— Нет, — сказала она. — Иди ты. Ты шеф.

Камила стояла у стены и смотрела на невестку так, будто впервые увидела её по-настоящему. В её взгляде не было благодарности — был страх. Аружан могла сказать, кто опрокинул соль. И не сказала.

Поздно вечером, когда зал опустел, Аружан вышла в коридор подышать. У дверей главного зала стояла Бибігүл, и впервые за всё время на её лице было что-то похожее на растерянность: ей уже доложили, кто спас банкет.

В этот момент по мраморному полу простучали тонкие каблуки. В зал вошла высокая девушка в белом пальто, с идеально ровным каре. Бибігүл обернулась, и лицо её осветилось так, как никогда не светилось для невестки.

— Апа, — сказала девушка и раскрыла руки для объятий. — Я вернулась.

Томирис. Аружан слышала это имя всего один раз — от Данияра, когда он рассказывал о прошлом. И тогда он сказал: «Это была ошибка, о которой я не хочу вспоминать».

Глава 6. Томирис

Томирис Ахметова пришла в дом Сейтжановых так, будто никогда из него не уходила. Она знала, в каком шкафу стоят парадные пиалы, знала, что аже любит курт с чаем, и привезла ей из Лондона платок, который старуха тут же надела. Со старшими Томирис говорила на безупречном казахском, с Камилой — пересыпая речь английскими словечками. На Аружан она смотрела редко и с такой вежливой улыбкой, что от неё становилось холодно.

— Томирис теперь работает с нами, — объявила Бибігүл за ужином. — Директор по развитию. У её отца банк, а нам нужен кредит на новый зал. Данияр, ты ей всё покажешь.

Данияр кивнул, не глядя на жену. Он вообще в последние дни старался не смотреть на неё, будто то мгновение на свадьбе, когда он сел по приказу матери, висело между ними невидимой занавеской. Ночью он гладил её по волосам и шептал: «Потерпи. Мама оттает». Днём при матери становился чужим.

— А можно мне тоже посмотреть новый зал? — тихо спросила Аружан. — Я ведь тоже там работаю.

— Ты работаешь на кухне, — не повышая голоса, ответила Бибігүл. — Кухня в подвале. Зал наверху.

Томирис сочувственно наклонила голову, будто извиняясь за хозяйку. Это было хуже любой грубости.

В следующие дни Данияр стал возвращаться поздно. Встречи с подрядчиками, дизайн-проект, банк. Аружан ждала его с ужином, который остывал, потом ставила тарелку в холодильник и шла спать, а утром находила её нетронутой. Она не спрашивала. В детдоме её научили и этому: не задавай вопросов, на которые не хочешь слышать ответ.

В субботу они вдвоём поехали на рынок за мясом — единственная их поездка за неделю. Данияр включил музыку, пересказывал что-то смешное про прораба, и на минуту Аружан показалось, что всё как раньше: кафе на Абая, его смех, его рука на её колене. Она наклонилась поднять упавший кошелёк, и пальцы наткнулись на что-то маленькое и острое между сиденьем и дверью.

Серьга. Жемчужина в тонкой золотой оправе. Аружан видела такие вчера за ужином — в ушах Томирис, когда та смеялась, закидывая голову.

Она сжала серьгу в кулаке. Можно было бы сейчас показать, спросить, закричать. Она сидела молча до самого рынка и слушала, как муж рассказывает про прораба, и каждое его слово теперь звучало иначе.

У мясного ряда Данияр отошёл расплатиться и оставил телефон в её руках. Экран вспыхнул. Сообщение от «Мама». Аружан не собиралась читать. Просто первая строка была видна целиком, и глаза прочли её сами, раньше, чем она успела отвернуться:

«Сегодня ужинаешь с Томирис в Вираже, в девять. Жене

не говори».

Глава 7. Комментатор

Вечером Данияр сказал, что задержится в банке, и поцеловал её в лоб. Аружан сказала: «Хорошо». Когда его машина выехала из ворот, она открыла телефон и перечитала сообщение, пришедшее ночью от незнакомого номера:

«Я удалил комментарий, чтобы его не увидели другие. У вас на видео браслет с тамгой. Я знаю эту тамгу. Завтра, в семь, кафе у Зелёного базара. Приходите одна».

Она понимала, как это выглядит. Новая келін, едва отмывшаяся от кражи, идёт вечером на встречу с незнакомым мужчиной. Но муж в это время сидит в ресторане с бывшей, и послала его туда свекровь. А браслет — единственная нитка к тому, кто она такая, — лежит теперь неизвестно где.

Кафе оказалось маленьким и душным, с клеёнкой на столах и запахом самсы. За угловым столиком сидел молодой мужчина в очках, лет тридцати, с потёртым кожаным портфелем на коленях. Портфель был старше хозяина лет на сорок.

— Арман Жақсылықов, — представился он и не протянул руки, будто знал, что ей это будет неловко. — Юрист. Спасибо, что пришли. Я понимаю, чего вам это стоило.

Он открыл портфель и положил на стол пожелтевший лист, исчерченный карандашом. В центре листа, обведённый несколько раз, был нарисован тот самый знак. Перевёрнутая

птица.

— Мой дед, Тоқтар Жақсылықов, был нотариусом. Двадцать лет назад он заверял документы человека, у которого была эта тамга. Потом тот человек погиб, а его ребёнок, по официальной версии, умер при родах. Дед в это не поверил. Он искал девочку до самой пенсии. Объездил все детдома в области. А потом… потом у него начались проблемы, и он перестал.

— Какого человека? — Аружан не узнала свой голос.

Арман покачал головой.

— Пока не могу сказать. Не потому, что не доверяю. Потому, что если я ошибаюсь, вам будет больно напрасно. А если прав… то люди, с которыми вы живёте, не должны узнать, что вы знаете. Браслет сейчас с вами?

— Его забрала свекровь.

Арман снял очки и долго тёр их краем рубашки. Когда он снова надел их, лицо у него было таким, будто он услышал ответ на вопрос, который не задавал.

— Значит, она его узнала, — тихо сказал он. — Аружан, послушайте меня. Ничего не подписывайте. Никогда, ни при каких обстоятельствах, не прочитав каждое слово.

Она не знала, что уже опоздала с этим советом. И он не знал.

Они просидели сорок минут. Арман спрашивал про детдом, про записку, про дату, записывал в блокнот мелким аккуратным почерком. Она отвечала и чувствовала странную

вещь: впервые за долгое время кто-то интересовался её прошлым не для того, чтобы уколоть.

На улице уже стемнело. Арман предложил подвезти, она отказалась. Он придержал дверь такси, наклонился к окну, сказал что-то на прощание. Со стороны это выглядело совсем не так, как было на самом деле.

И со стороны смотрели. В белом «Лексусе», припаркованном через дорогу, Камила опустила телефон и пролистала серию снимков. На одном араб в очках стоял совсем близко к её невестке. На другом казалось, что он её целует.

Камила улыбнулась и нажала «Отправить». Контакт: «Мама».

Глава 8. Измена, которой не было

Суд собрали в гостиной в воскресенье днём, после обеда. Никто так его не называл, но Аружан поняла сразу, как только вошла. На диванах расселись Бибігүл, Нұрлан, апай Сара с мужем. Камила стояла у окна. Марат сидел в своей коляске в углу. Данияр стоял посреди комнаты, и в руке у него был телефон.

— Садись, келін, — сказала Бибігүл. — Поговорим.

Данияр протянул ей телефон. Кафе, такси, мужчина в очках, наклонившийся к окну. С этого ракурса казалось, что их лица соприкасаются.

— Это кто? — Голос у Данияра был глухий, обиженный, как у ребёнка.

— Юрист. Он ищет мою семью.

— В семь вечера, в кафе, тайком от мужа? — апай Сара фыркнула. — Ищет семью. Слышали? У неё, видите ли, искатели по вечерам.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Нет, не понимаешь. — Бибігүл слегка наклонилась вперёд. — В нашей семье келін не ходит одна по вечерам. А келін, которая в первый вечер украла колье, а через месяц побежала к чужому мужчине…

Аружан подняла глаза. И вдруг почувствовала, что устала. Не от страха, не от обиды — от молчания. Месяц она кла-

нялась, наливала чай на треть, молча мыла казаны и читала комментарии про себя в ванной на холодном полу. И что изменилось?

— Апа, — сказала она. Не громко, но так, что в комнате стало тихо. — А ваш сын в тот же вечер где был?

Пауза повисла под потолком. Данияр покраснел.

— Я был на работе.

— В «Вираже». С Томирис. В девять. — Она достала из кармана жемчужную серьгу и положила на стеклянный столик. Звук был крошечный, но его услышали все. — Это было в вашей машине. А ужин ему назначили вы, апа. И попросили мне не говорить. Так что если в этой семье кто-то и изменяет, то не я.

Никто не дышал. Камила перестала снимать. Нұрлан с интересом прищурился, как на неожиданный ход в шахматах. А Бибігүл — Аружан запомнила это навсегда — Бибігүл смотрела на неё так, будто узнала в ней кого-то. Кого-то, кто тоже когда-то не опускал глаз.

Первым опомнился Данияр. Унижение при всей родне, серьга на столе, стыд, который жёг ему уши, — всё это искало выхода. И нашло самый старый, самый слабый.

— Собирай вещи, — сказал он, и сам испугался своих слов.

В углу что-то грохнуло. Все обернулись. Марат рванулся из коляски, будто хотел встать, сказать, заступиться, — и рухнул на ковёр лицом вниз. Коляска откатилась к стене.

Пустое колесо медленно вращалось в тишине.

Глава 9. Ата

Кто-то закричал. Апай Сара схватилась за сердце. Данияр замер, как столб. Камила всхлипнула и почему-то снова подняла телефон. Бибігүл стояла неподвижно, и на лице у неё было что-то такое, чему Аружан не сумела бы дать имя.

Аружан упала на колени рядом со свёкром. В детдоме была старая нянечка, тётя Раиса, бывшая медсестра, которая заставляла старших девочек заучивать, что делать, если человеку плохо. «Врача может не быть, — говорила она, — а руки у тебя всегда с собой».

— Скорую! — крикнула Аружан Данияру, и тот наконец очнулся. — Скажи — повторный инсульт! Камила, убери телефон и открой ворота, чтобы они не искали!

Она осторожно повернула Марата на бок, подложила ему под голову свёрнутый плед, расстегнула ворот рубашки. Заметила время на часах. Говорила с ним тихо и ровно, без остановки, чтобы он слышал человеческий голос:

— Ата, я здесь. Скорая едет. Не засыпайте, слышите? Смотрите на меня. Вот так.

Его правая рука нашла её ладонь и сжала. Сильно, настойчиво, как вцепляются за верёвку над обрывом.

Скорая приехала через двенадцать минут. Врач, усталая женщина с седым хвостом, бросила взгляд на Аружан, записала время, которое та назвала, и сказала без всяких эмоций:

«Правильно сделала. Вы кто ему?»

— Келін, — ответила Аружан.

В больнице её не хотели пускать. Бибігүл приехала первой, с Нұрланом, и велела невестке ехать домой. Но к ночи свекровь уехала отдохнуть, Данияр заснул в кресле в коридоре, а дежурная медсестра посмотрела на Аружан — на её всё ещё дрожащие пальцы, на платье, в котором она просидела на полу, — и молча приоткрыла дверь палаты.

Марат лежал под капельницей, серый, постаревший лет на десять за один день. Но глаза у него были открыты, и он ждал. Он ждал именно её.

— Ата, — прошептала она и села рядом. — Вы нас напугали.

Он вытащил из-под одеяла правую руку, взял её ладонь, развернул кверху. И начал писать пальцем. Медленно, с усилием, букву за буквой, как пишут первоклассники.

С. Е. Й. Ф.

Аружан подняла на него глаза. Он едва заметно кивнул и снова наклонился над её ладонью. Теперь цифры. Один. Четыре. Ноль. Три.

У неё перехватило дыхание. Четырнадцатое марта. Эта дата стояла в её свидетельстве о рождении. Её день рождения, который в детдоме отмечали одним тортом на всех, родившихся в марте.

— Откуда вы… — начала она.

Марат сжал её пальцы и вдруг перевёл взгляд ей за спину.

В его глазах появился страх — не за себя.

Аружан обернулась. В дверях палаты, в прямоугольнике света из коридора, стояла Бибігүл. Как давно она там стояла — неизвестно.

Глава 10. Девочка, которая умерла

— Устала? — спросила Бибігүл так, будто ничего не видела. — Иди домой, келін. Теперь с ним посижу я.

Аружан ушла. Всю дорогу в такси она держала ладонь сжатой в кулак, будто буквы могли стереться. Сейф. Четырнадцатое марта.

В доме был только один сейф, о котором знали все: в кабинете Бибігүл, за картиной с скачущими конями. Күләш апа как-то стирала с неё пыль и проворчала: «Туда даже смотреть нельзя». Аружан тогда не придала этому значения.

Она дождалась часа ночи. Данияр остался в больнице. Камила давно уехала к подругам. Бибігүл осталась у мужа — так, по крайней мере, сказала Күләш. Дом затих, только фонтан в саду журчал за окном, да на кухне гудел холодильник.

Дверь кабинета оказалась не заперта. Аружан вошла, не включая света, подсвечивая себе телефоном. Пахло кожей, старыми книгами и теми самыми духами. Кони на картине неслись куда-то в золотую степь. Картина откинулась на петлях, как дверца шкафа.

Сейф был небольшой, с цифровой панелью. Зелёные кнопки светились в темноте. Аружан набрала: один, четыре, ноль, три. Красный свет. Ошибка.

Сердце стучало так, что ей казалось, его слышно на весь

дом. Ошибка. Значит, она всё придумала. Значит, старик просто путает цифры, а она так хотела что-то значить, что увидела себя в чужом бреду…

Нет. Подожди. Дата — это не только день и месяц.

Она набрала снова, медленно, по одной цифре: один, четыре, ноль, три, два, ноль, ноль, пять.

Зелёный свет. Щелчок. Дверца отошла на сантиметр.

Внутри были деньги — пачки в банковских лентах, но она их не заметила. Были футляры с украшениями. А сверху, на пачке старых бумаг, лежал её браслет. Тот самый, с согнутой скрепкой. Она взяла его, и пальцы сами сомкнулись вокруг знакомого серебра.

Под браслетом лежала фотография. Маленькая, пожелтевшая, с обтрёпанными краями, будто её много раз доставали и прятали обратно. Новорождённая девочка в роддомовской пелёнке. На крошечной ручке — серебряный браслет, ещё без всякой скрепки, ещё большой для неё.

А под фотографией — бланк. Официальный, с гербом и печатью. «Свидетельство о смерти». Аружан читала, и слова не складывались в смысл, как бывает во сне:

«Мұратова Аружан Асқарқызы. Дата рождения: 14 марта 2005 года. Дата смерти: 14 марта 2005 года».

Аружан. Её имя. Имя из записки, которую нашли в её пелёнке. День рождения, который ей записали в детдоме. И фамилия. Мұратова. «Мұ… рат…» — хрипел свёкор за дастарханом. Он не путал слова. Он отвечал за неё на вопрос

про жеті ата.

У неё был отец. У неё была фамилия. И кто-то двадцать один год назад официально, с гербом и печатью, похоронил её в день, когда она родилась.

Дверь за спиной тихо закрылась. Щёлкнул выключатель. Кабинет залил жёлтый свет люстры, и Аружан зажмурилась, как застигнутая воровка.

В кресле у двери, которое она не разглядела в темноте, сидела Бибігүл. Всё в том же бордовом платье, с чётками в руках. Она не уезжала никуда. Она ждала.

— Нашла себя? — спросила она устало, почти по-доброму. — Теперь ты знаешь, почему лучше молчать.

Глава 11. Сделка

Бибігүл не кричала и не вырывала бумаг из рук. Она встала, неторопливо закрыла сейф, вернула на место картину с конями и только тогда протянула ладонь. Аружан отдала свидетельство и фотографию. Браслет она сжала так, что скрепка врезалась в кожу.

— Оставь себе, — сказала свекровь, взглянув на её кулак. — Теперь уже всё равно.

Наутро на столе в кабинете лежала папка. Аружан вызвали туда после завтрака, и свекровь говорила с ней так, как говорят с поставщиками: вежливо, кратко, по делу.

— Десять миллионов тенге. Наличными или на карту, как скажешь. Ты подписываешь заявление на развод и вот эту бумагу: что не имеешь к нашей семье никаких претензий. И уезжаешь из Алматы. Куда хочешь. С такими деньгами можно открыть своё кафе. Ты ведь хорошо готовишь.

— Претензий на что?

Бибігүл чуть замедлилась с ответом. Долю секунды. Аружан заметила.

— На имя. На спокойствие моего дома.

— Апа, кто такой Асқар Мұратов?

Свекровь откинулась на спинку кресла. Она была готова к этому вопросу, это чувствовалось в каждом слове.

— Партнёр моего мужа. Погиб в аварии двадцать один

год назад, за неделю до твоего рождения. Твоей матери было двадцать шесть. Вдова, без денег, без дома. И она попросила меня сделать так, будто ребёнок не выжил. Чтобы уехать и начать сначала. Я работала в роддоме. Я помогла. А фотографию оставила себе, потому что жалела тебя. Вот и вся тайна.

Слова падали ровно, как капли из крана. Аружан слушала и чувствовала, как внутри что-то хочет поверить. Потому что эту версию она сама сочиняла себе в детстве сотни раз: меня не хотели. Эта версия была знакомой, и от этого — почти удобной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.